

ФИННО-УГОРСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-4/236-253

Научная статья

© *Г. Ю. Устьянцев, Г. А. Глухова, А. А. Ананьев,
Ю. В. Сеницына, О. В. Федорова,
И. А. Хомченкова, Р. Р. Насырова*

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ ЭТНОПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ ФИЛОЛОГОВ-УДМУРТОВЕДОВ

Статья посвящена изучению русско-удмуртской профессиональной языковой среды: бытованию русского и удмуртского языков, выявлению уровня билингвизма в условиях широкого распространения русского языка, а также выяснению взаимосвязей между языковыми практиками и этнической идентичностью.

Устьянцев Герман Юрьевич — к. и. н., ассистент кафедры этнологии исторического факультета, МГУ им. М. В. Ломоносова (Российская Федерация, 119192 Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4, Г-429). Эл. почта: ustyan-93@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0655-3127>

Глухова Галина Анатольевна — к. филолог. н., доцент кафедры удмуртской литературы и литературы народов России, директор Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики, Удмуртский государственный университет (Российская Федерация, 426034 Ижевск, ул. Университетская, д. 1, к. 2). Эл. почта: galant@udm.ru

Ананьев Артём Алексеевич — студент кафедры этнологии исторического факультета, МГУ им. М. В. Ломоносова (Российская Федерация, 119192 Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4, Г-429). Эл. почта: An.artem02@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-6923-3784>

Сеницына Юлия Вячеславовна — преподаватель отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, МГУ им. М. В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991 Москва, Ленинские горы, ГСП-1). Эл. почта: jv.sinityna@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2408-6270>

Хомченкова Ирина Андреевна — преподаватель отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, МГУ им. М. В. Ломоносова, научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики ИРЯ им. В. В. Виноградова (Российская Федерация, 119991 Москва, Ленинские горы, ГСП-1). Эл. почта: irina.khomchenkova@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1653-0201>

Федорова Ольга Викторовна — д. филолог. н., профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991 Москва, Ленинские горы, ГСП-1). Эл. почта: olga.fedorova@msu.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5034-3859>

Насырова Регина Руслановна — студент отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, МГУ им. М. В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991 Москва, Ленинские горы, ГСП-1). Эл. почта: regina.nasyrova55@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-6280-0667>

* Исследование выполнено в рамках грантового исследования научно-образовательных школ «От Поволжья до Кавказа: языковое и культурное многообразие Центра и Юга России», совместно осуществляемого кафедрой этнологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и отделением теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Статья представляет собой комплексное междисциплинарное этнолого-лингвистическое исследование, что позволяет рассмотреть поставленные проблемы с применением разных методологических подходов. В качестве источниковой базы использованы материалы анкетирования, проведенного на базе опросника Техасского Университета «Bilingual language profile», дополненного несколькими блоками вопросов этносоциальной тематики, а также интервью, проведенные с представителями языковой среды. Для анализа было избрано этнопрофессиональное сообщество филологов-удмуртоведов, что позволило рассмотреть функционирование удмуртского языка в среде с повышенным интересом к удмуртской филологии. Данные для исследования собраны в ходе экспедиции в Республику Удмуртия в декабре 2023 г. В ходе исследования использованы качественные (анализ собранных интервью) и количественные методы (анализ и графическая репрезентация собранных анкетных данных). Проведенное исследование выявило сложившуюся ситуацию сбалансированного билингвизма в изучаемой среде. Анкетирование и анализ данных показали, что в исследуемом сообществе удмуртский язык выполняет функции самоидентификации и репрезентации этнической идентичности, а также используется как основное средство коммуникации.

Ключевые слова: удмуртский язык, билингвизм, языковая среда, этнопрофессиональное сообщество, языковое образование, этническая идентичность

Ссылка при цитировании: Устьянцев Г. Ю., Глухова Г. А., Ананьев А. А., Синицына Ю. В., Федорова О. В., Хомченкова И. А., Насырова Р. Р. Язык как средство коммуникации и репрезентации идентичности этнопрофессиональной группы филологов-удмуртоведов // Вестник антропологии. 2024. № 4. С. 236–253.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-4/236-253

Original Article

© *Herman Ustyantsev, Galina Glukhova, Artem Ananayev, Julia Sinitsyna, Irina Khomchenkova, Olga Fedorova, and Regina Nasyrova*

LANGUAGE AS A MEANS OF COMMUNICATION AND REPRESENTATION AMONG THE ETHNOPROFESSIONAL GROUP OF UDMURT PHILOLOGISTS

The article analyzes the Russian-Udmurt linguistic environment and its professional aspects. It examines the existence of both Russian and Udmurt languages, identifies the extent of bilingualism among speakers, and assesses the relationship between language use and ethnic identity. The article presents an interdisciplinary study that combines ethnological and linguistic approaches to address these issues. It employs data from a survey based on the questionnaire of the University of Texas, which includes questions about bilingual language profiles and additional blocks on ethnic and social matters. Additionally, interviews with representatives of the language community were conducted to facilitate a more comprehensive understanding of the

subject. The study focused on an ethnographic community of Udmurt philologists, which allowed us to examine the use of the Udmurt language in a context characterized by increased interest in Udmurt studies. The data for this research were collected during an expedition to the Republic of Udmurtia in December 2023. Both qualitative and quantitative methods were employed in the investigation. Qualitative techniques included the analysis of collected interviews, while quantitative methods entailed the analysis and graphical representation of the information gathered. The findings revealed a situation of balanced bilingualism within the studied group. The survey and analysis of the data showed that within this community, the Udmurt language serves as a means of self-identification, representation of ethnic identity, and as a primary means of communication.

Keywords: *Udmurt language, bilingualism, language environment, ethnoprofessional community, language education, ethnic identity*

Authors Info: **Ustyantsev, Herman Yu.** — Ph.D. in History, Assistant of the Department of Ethnology, History Faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: ustyan-93@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0655-3127>

Glukhova, Galina A. — Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of Udmurt Literature and Literature of the Peoples of Russia, Director of the Institute of Udmurt Philology, Finno-Ugric Studies and Journalism, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: galant@udm.ru

Ananev, Artem A. — Student, Department of Ethnology, History Faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: An.artem02@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-6923-3784>

Sinitsyna, Julia V. — Lecturer, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: jv.sinitsyna@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2408-6270>

Khomchenkova, Irina A. — Lecturer, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Research Fellow, Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics, Vinogradov Russian Language Institute of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: irina.khomchenkova@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1653-0201>

Fedorova, Olga V. — Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: olga.fedorova@msu.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5034-3859>

Nasyrova, Regina R. — Student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). regina.nasyrova55@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-6280-0667>

For citation: Ustyantsev, H. Yu., G. A. Glukhova, A. A. Ananev, J. V. Sinitsyna, I. A. Khomchenkova, O. V. Fedorova, and R. R. Nasyrova. 2024. Language as a Means of Communication and Identity Representation among the Ethnoprofessional Group of Udmurt Philologists. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 236–253.

Funding: The research was conducted as part of a grant-funded study on scientific and educational institutions, titled “From the Volga Region to the Caucasus: Linguis-

tic and Cultural Diversity of the Central and Southern Regions of Russia,” which was jointly organized by the Department of Ethnology at the Faculty of History at Lomonosov Moscow State University and the Department of Theoretical and Applied Linguistics at the Faculty of Philology at Lomonosov Moscow State University.

Введение

Удмурты — финно-угорский народ Урало-Поволжья, который традиционно подразделяют на южную и северную группы (*Владыкин, Христолюбова* 1997: 16). В отечественной этнографии нет единого мнения о количестве и соотношении этнических групп удмуртов. По мнению исследователя И. А. Косаревой, «собственно-южная» группа удмуртов включает в себя семь подгрупп: среднеижскую левобережную, алнашско-киясовскую, граховско-южнокизенерскую, севернокизенерскую, водзимо-ньинскую, можгинско-малопургинскую, бавлинскую (*Косарева* 2017: 53–118). Подгруппы отличаются друг от друга говором, спецификой конфессиональной ситуации, чертами женского костюма и декоративно-прикладного искусства (*Косарева* 2017). Помимо Удмуртской Республики, удмурты живут в Марий Эл, Татарстане, Башкортостане, Пермской области, Свердловской области, Красноярском крае, Томской области (*Владыкин* 2000: 428–429). По данным переписи 2021 г., в России проживает 386 465 удмуртов, из них на территории Удмуртии — 299 874 человека (ВПН 2020–2021). По сравнению с данными переписи 2010 г. (410 584 удмурта), численность удмуртского населения значительно сократилась (ВПН 2010). Этот процесс можно связать с интеграцией молодежи в русскую этноязыковую среду, межэтническими браками, объективными демографическими явлениями (сокращение численности сельского населения), выделением бесермян в отдельную группу в рамках переписи (*Воронцов* 2019: 68–69). В то же время некоторые авторы ставят под сомнение валидность результатов переписи 2010 г., считая статистику по носителям удмуртского заниженными. Согласно микропереписи 2015 г., носителей удмуртского языка среди удмуртов больше на 20% (*Воронцов, Загребин* 2021: 98). По данным опросов 2016 г. более 70% удмуртов Удмуртской Республики являются верующими (*Воронцов* 2019: 149). Абсолютное большинство удмуртов исповедует православие (более 80%), с язычеством себя соотносит более 1% опрошенных (*Воронцов* 2019: 151). Несмотря на падение численности удмуртского населения Республики к концу XX столетия, в 1980–1990-е наметился процесс «этнической мобилизации», то есть актуализации интереса к удмуртской идентичности и культуре. Маркерами удмуртского этнитета авторы считают язык, фольклорные песни, традиционные верования, национальные еду и костюм (*Губогло, Смирнова* 2001: 337–357).

Удмуртский язык как объект социолингвистики

В лингвистике принято относить удмуртский, наряду с коми-зырянским и коми-пермяцким языками, к пермской группе в составе уральской языковой семьи (*Баталова* 1993: 209). Литературный удмуртский язык основан на элементах северных и южных диалектов, но учитывает, в основном, особенности южного (*Кельмаков* 1993: 240). По данным последней переписи, в России удмуртским языком владеет 255 877 человек. На территории Удмуртской Республики число носителей

203 281 человек (ВПН 2020–2021). Классик удмуртской диалектологии В. К. Кельмаков выделял северное, южное и бесермянское наречия удмуртского языка, а также срединные говоры, классификация которых все еще дискуссионна (Кельмаков 2006: 41–44). Лингвисты рассматривают в составе удмуртского языка северное наречие, включающее три диалекта; срединные говоры, включающие пять диалектов; южное наречие, которое состоит из двух крупных диалектов. Некоторые авторы классифицируют язык бесермян как бесермянское наречие удмуртского языка¹ (Насибуллин и др. 2009: 39). Переписи населения фиксируют падение во второй половине XX столетия численности жителей Республики, считающих родным языком удмуртский, при этом русский язык постепенно расширял сферу своего бытования (Губогло, Смирнова 2001: 394–395). В начале XXI столетия под влиянием урбанизации использование финно-угорских языков в повседневной речи сокращается (Пивнева 2011: 76), что видно и на примере удмуртского языка.

Языковая ситуация среди некоторых групп удмуртского населения описана в работе французского исследователя Е. Тулуз (*Toulouze* 2013), проблема языкового образования и передачи языка — в текстах Р. Р. Садикова (*Садиков* 2023). Подробное социолингвистическое обследование носителей татышлинского говора удмуртского языка было проведено Е. В. Кашкиным и М.-Э. А. Винклер в Республике Башкортостан (*Кашкин, Винклер* 2024). Обобщающие исследования этноязыковой ситуации населения Удмуртии на основе статистических данных представлены в работах В. С. Воронцова (*Воронцов* 2019; *Воронцов и др.* 2021).

Методы

Статья основана на материалах, собранных авторами в Удмуртской Республике в декабре 2023 г. Среди информантов — учащиеся старших классов сельских школ, студенты Удмуртского государственного университета, работники культуры и образования разных возрастов. Территория маршрутно-стационарной экспедиции охватывала г. Ижевск, Завьяловский, Киясовский, Малопургинский районы. Поиск респондентов осуществлялся методом «снежного кома» посредством информантов-медиаторов. В итоговую выборку были взяты анкетные данные студентов и преподавателей Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики (далее — Института), Удмуртского государственного университета (УдГУ). Опрошенные являются работающими специалистами в сфере удмуртской филологии, преподавателями и учеными, или же студентами — будущими удмуртоведами (направленность «Преподавание филологических дисциплин»). Для удобства исследования мы разделили выборку из 90 человек на две группы: обучающихся без законченного высшего образования и работников Института с высшим образованием. Первая группа состояла из 79 опрошенных в возрастных рамках от 17 до 22 лет. Вторая группа включала в себя 11 человек в возрасте от 24 до 64 человек. Получается, что разделение выборки основано на возрастном и образовательном принципах. 79 анкетированных (87%) указало на удмуртскую этническую или национальную идентичность, а также на наличие удмуртских корней. Этот фактор определяет по-

¹ Статус бесермянского языка в настоящее время является дискуссионным. В актуальной науке распространено мнение, что бесермянское наречие является самостоятельным литературным языком со своим, отдельным от удмуртского, алфавитом.

вышенный интерес респондентов к удмуртской филологии, а также их глубокое знание удмуртского языка. Большинство респондентов кроме удмуртского и русского владеет также английским, финским, венгерским языками.

Выбранное сообщество представляется нам интересным для комплексного этнолингвистического и социолингвистического анализа. Во-первых, на примере студентов и работников городского вуза можно обследовать функционирование удмуртского языка в рамках профессионального сообщества филологов. Во-вторых, указанное возрастное разделение позволяет выявить тенденции бытования удмуртского языка в молодежной среде относительно более старшего поколения. В-третьих, изучаемое городское сообщество представляет интерес как состоящее из рожденных в разных районах Удмуртии жителей Ижевска, зачастую выходцев из сельской местности, говорящих на разных диалектах и говорах. Цель данной статьи — изучить, в первую очередь, этнопрофессиональное сообщество или, в терминологии лингвиста Дж. Гамперца, языковую общность удмуртоведов г. Ижевска. Под термином «языковая общность» исследователь понимал объединение людей, связанных регулярным общением и только им присущими особенностями словесной коммуникации (*Gumperz* 1968: 66). Обладая признаками этнического, территориального, профессионального сообщества, группа удмуртов-языковедов обладает не только диалектными, но «наложенными» (*superposed*) отличительными признаками (*Gumperz* 1968: 70), которые проявляются в использовании определенной лексики (научной, художественной), разнообразном вокабуляре, понимании различных идиомов удмуртского языка.

Таким образом, в данной статье мы ставим перед собой задачи 1) выявить социолингвистические особенности языковой среды этнопрофессионального сообщества удмуртоведов; 2) выявить функции языка в рассматриваемой группе билингвальных горожан; 3) определить взаимосвязь этнической идентичности (этничности) и языкового поведения.

Абсолютное большинство опрошенных нами информантов являются двуязычными. Билингвизм — это одно из самых трудноопределяемых понятий современной когнитивной лингвистики, что обусловлено по крайней мере двумя причинами. Во-первых, это междисциплинарная область исследований, включающая лингвистику, психологию, социологию, социолингвистику, психолингвистику, антропологию, этнологию и педагогику; в каждой из этих областей уже сформированы свои классические методы и подходы к изучению билингвизма. Во-вторых, авторы по-разному трактуют явление билингвальности¹ от совершенного владения каждым из языков до использования родного языка в процессе изучения второго языка (*Second Language Acquisition*). В качестве методологической базы исследования нами использованы материалы научных журналов, посвященных билингвизму: (1) *Bilingual Research Journal* (1975–); (2) *Journal of Multilingual and Multicultural Development* (1980–); (3) *The International Journal of Bilingualism* (1997–); (4) *Bilingualism: Language and Cognition* (1998–); (5) *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism* (1998–).

В середине XX века американский лингвист У. Вайнрайх выделил три типа билингвизма: 1) составной билингвизм двуязычных семей, 2) координативный билингвизм иммиграции и 3) субординативный билингвизм школьного типа обучения иностранному языку (*Вайнрайх* 1972). Такие идеальные случаи редко встречаются

¹ Подробнее об этом см.: *Grosjean* 2008; *Montrul* 2016.

в реальной жизни, так что современные исследователи ищут более строгие способы операционализировать понятие билингвизма¹.

При оценке языковых навыков билингвов нами учитывалось два ключевых фактора: абсолютное знание каждого языка в отдельности (так называемый уровень владения, *proficiency*) и относительное знание двух языков (так называемая доминантность, *dominance*). Доминантность часто включает отдельный компонент использования языка (*language use*) в разных сферах повседневной жизни: на работе, в школе, в быту (*Treffers-Daller* 2019: 378).

Самым распространенным способом определения языковой доминантности являются билингвальные опросники². Такие опросники содержат информацию о владении каждым из двух языков, их сравнение, а также дополнительную информацию о языковой истории билингва. Среди большого количества разнообразных опросников для взрослых билингвов наиболее популярны, на наш взгляд, три: *Language Experience and Proficiency Questionnaire* (*Marian et al.* 2007), *Bilingual Dominance Scale* (*Dunn, Fox Tree* 2009) и *Bilingual Language Profile* (*Birdsong et al.* 2012). В основу настоящего исследования русско-удмуртских билингвов лег опросник *Bilingual Language Profile*, ниже мы более детально опишем его структуру.

Опросник *Bilingual Language Profile* (BLP) разрабатывается в Техасском университете в Остине (*University of Texas at Austin*) начиная с 2011³ г. BLP содержит 19 вопросов, ответы на которые даются респондентами для каждого из двух языков: в нашем случае, для русского и удмуртского. Эти вопросы образуют четыре раздела, каждый из которых представляет отдельный аспект доминантности языка: языковую историю, использование языков, уровень владения языками и отношение к языкам. Раздел «Языковая история» (6 вопросов) включает информацию о возрасте овладения данным языком, возрасте, в котором респондент стал уверенно говорить на языке, количестве лет, которые он провел в среде, где говорят на этом языке. Раздел «Использование языков» (5 вопросов) описывает процент времени в среднем за неделю, которое респондент использует данный язык в кругу семьи, с друзьями, на работе, когда производит подсчеты. В разделе «Владение языками» (4 вопроса) респондентам предлагается оценить свои способности на каждом языке по четырем языковым навыкам — говорению, аудированию, чтению и письму. Раздел «Отношение к языкам» (4 вопроса) состоит из вопросов, оценивающих, в какой степени респондентам комфортно говорить на том или ином языке, насколько они ощущают себя частью определенной этнической культуры.

Важным преимуществом опросника BLP является возможность количественной оценки языковой доминантности⁴. Сначала для каждого раздела на каждом языке путем суммирования необработанных ответов вычисляется некоторая первичная оценка. Затем для обеспечения равного веса каждой оценки по каждому разделу первичная оценка умножается на определенный весовой коэффициент. Интегральный языковой индекс рассчитывается путем сложения взвешенных оценок по каждому из разделов, в результате чего мы получаем диапазон от 0 до 218 баллов, где 0 соответствует полному отсутствию знаний и опыта работы с данным языком,

¹ О необходимости выработки прозрачных критериев билингвизма см.: *Marian, Hayakawa* 2020; *Kremin, Byers-Heinlein* 2020.

² Дополнительную аргументацию см.: *Gertken et al.* 2014.

³ Подробное изложение см.: *Gertken et al.* 2014.

⁴ Наиболее подробно процедура оценки описана: *Birdsong et al.* 2012.

а 218 — максимальным знаниям и опыту. Наконец, индекс доминантности языка определяется путем вычитания индекса по одному языку из индекса по второму языку, в результате чего получается шкала доминантности в диапазоне от -218 до +218. Конечные точки шкалы представляют собой максимальную доминантность одного или другого языка, в то время как индекс, близкий к нулевой отметке, отражает еще одно важное понятие данной работы — так называемый сбалансированный билингвизм, то есть высокий уровень владения и использования обоих языков билингва.

Билингвальный опросник был дополнен анкетой об этнической идентичности, включавшей четыре раздела. Первый из них, «Общие сведения» (7 вопросов), содержит вопросы об этничности, национальности, конфессии удмуртов и др. Второй блок, «Этнокультурное образование» (4 вопроса), посвящен практикам изучения удмуртского языка и культуры в образовательных учреждениях. Третий раздел, «Культурные практики» (7 вопросов), направлен на выяснение уровня знаний информанта об удмуртской культуре и истории, фольклоре, источниках знаний об удмуртской этнографии. Блок «Межэтническое взаимодействие» (5 вопросов) посвящен коммуникации анкетированного с представителями других этнических групп в частной и публичной сферах, восприятию его окружением удмуртской культуры. Анкета разработана сотрудниками кафедры этнологии исторического факультета Московского университета.

Собранные количественные данные дополнены интервью с удмуртом, носителем удмуртского языка, выпускником 2 курса магистратуры В. Е. 24 лет родом из сельской местности Малопургинского района. Уже почти 6 лет он проживает в г. Ижевске. В ходе глубинного интервью были уточнены особенности индивидуальной языковой биографии информанта, специфика изучения удмуртского языка в Институте, личное восприятие языка и этнической идентичности. Основная специализация информанта в бакалавриате — «преподавание удмуртского языка, литературы и английского языка». В настоящее время он уже преподаёт английский язык у младших курсов, будучи сотрудником УдГУ.

Мы понимаем под этнической идентичностью соотнесение себя индивидом с определенной этнической группой: народом, нацией, этнографической группой и др. В антропологии и этнологии идентичность трактуется как тождественность определенной категории, то есть как «рефлексивная самоидентичность, предполагающая наличие сознания и самосознания» (Соколовский 2015: 11). Мы также солидарны с понятием психолога Э. Эриксона, согласно которому «идентичность обозначает твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру...» (Эриксон 2006: 12). Важно при проведении опросов учитывать динамику идентичности и ее многоаспектный характер. В современной антропологии принято говорить об идентификации как о продолжающемся процессе самоосознания (Соколовский 2015: 13).

Анализ полученных анкетных данных

Свою этническую идентичность респонденты понимают следующим образом. Из представленной выборки семь информантов (8%) считают себя русскими или славянами. Четыре информанта отметили смешанное русско-удмуртское происхождение (4%). Трое информантов определили свою идентичность через языковую классификацию, указав финно-угорскую или финно-пермскую этничность (3%). Двое опрошенных понимают под этнической идентичностью связь с этническими группами

удмуртского народа. Они указали в ответе себя как «северный удмурт» и «южный удмурт» (всего 2%). Абсолютное большинство, 74 или 82% опрошенных считают себя именно удмуртами. Отвечая на вопрос про национальность, информанты выбрали схожие варианты, этноним «удмурт»/«удмуртка» выбрали 79 респондентов (87%). Некоторые отмечали смешанное русско-удмуртское или русско-татарское происхождение, вновь упоминались «северные удмурты» и «южные удмурты». Таким образом, преобладающая часть выборки, более 90%, считает себя удмуртами или людьми с удмуртскими корнями. Соотнесение себя с определенной группой удмуртов происходит на основе языка и материальной культуры. Наш информант, будучи носителем срединных говоров, относит себя к южной группе.

«— К какой этнографической группе удмуртов Вы себя относите?

(Г. Ю.)

— Ну, наверное, если смотреть по воршудно-родовому составу, то больше к южным.

— А как еще можно определить?

— Если смотреть по костюмному комплексу, то у нас тяготеет к южному. Я считаю себя южным, между срединным и южным» (В. Е.).

Анкетирваемым был задан вопрос: «Что для Вас значит быть удмуртом?» 30% или 27 человек считает, что определяющим фактором является происхождение из удмуртской семьи. 25 человек или 27% выбрали вариант «хорошо знать удмуртскую культуру и историю». Фактор самосознания (вариант «считать себя удмуртом») выбрали 21 человек, что составляет 23% от выборки. Знание удмуртского языка, по мнению анкетирваемых, не самый важный фактор этничности — только 10 человек или 11% выбрали этот пункт. 2 человека (2%) полагают, что принадлежность к удмуртам определяется через локальную идентичность — происхождение из удмуртского населенного пункта. Этничность понимается нашими информантами посредством родственных связей и знания основ культуры.

Информантам предложили оценить свой интерес к удмуртской культуре и истории в количественном эквиваленте от 0 до 6. 58 информантов оценили свой интерес высоко, на «5» и «6» (64%). 26 информантов увлечены удмуртской культурой на 3 и 4 балла (29% опрошенных). Оставшиеся 7% мало проявляют интерес к удмуртской культуре (Рис. 1). Возрастной специфики в ответах нами не обнаружено.

Также анкетирваемых попросили оценить свои знания об удмуртской культуре и истории по шестибальной шкале. Как это часто бывает при этнологических и социологических опросах, свои компетенции информанты оценили ниже, чем уровень интереса (Рис. 2).

29%, то есть 26 информантов, оценивают свои знания высоко, на 4 и 5 баллов, 10 анкетирваемых или 11% низко оценивают свой уровень осведомленности. Основная часть, 63% или 57 опрошенных выставили себе 3 или 4 балла. Относительно высокий уровень знаний респондентов о традициях и истории удмуртов может быть объяснен не только их этническим происхождением, но и образовательной средой: 88% анкетирваемых (79 информантов) изучали культуру удмуртов в школах и высших учебных заведениях.

На основе полученных данных с помощью библиотеки Seaborn (Waskom 2021) для языка программирования Python были построены скрипичные диаграммы (violin

plots), отражающие распределение индекса владения языками, а также их плотности вероятности, по двум группам информантов: «информанты с не высшим образованием» (74 человека) и «информанты с высшим образованием» (16 человек) (Рис. 3)¹.

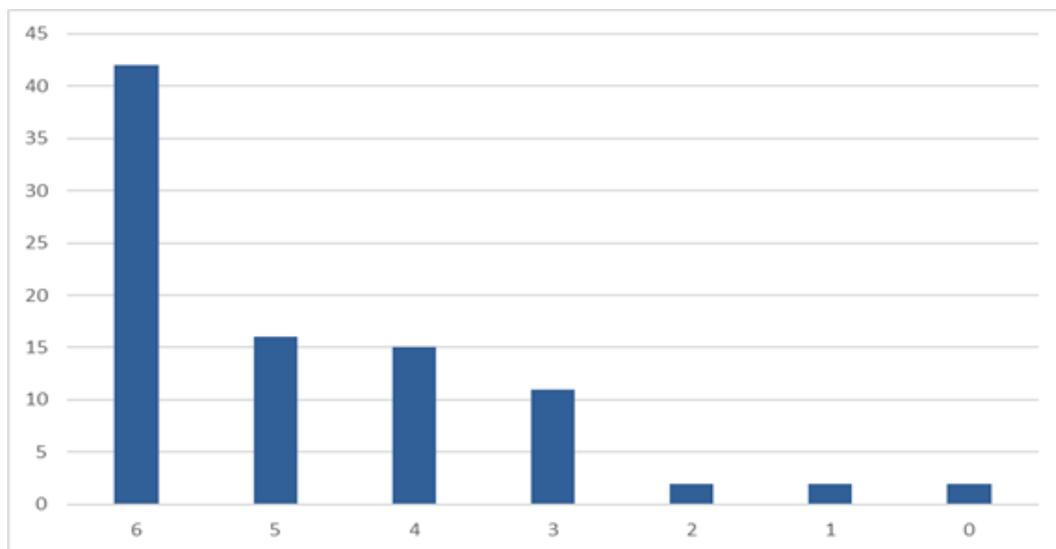

Рис 1. Оценка интереса информантов к удмуртской культуре и истории

Как видно из диаграммы, опрошенные нами студенты, еще не имеющие высшего образования, являются абсолютно сбалансированными билингвами, то есть используют удмуртский и русский языки в одинаковых пропорциях (медианное значение приходится на нулевую отметку на шкале). В то же время более взрослые информанты, уже имеющие законченное высшее образование, в большей степени являются русско-удмуртскими, чем удмурто-русскими билингвами; размер профессиональной группы людей с высшим образованием, однако, в пять раз меньше размера студенческой группы, поэтому сделать окончательный вывод об их языковом поведении не представляется возможным. Вероятно, для молодых информантов, общающихся чаще среди ровесников-удмуртов, родной язык на данном этапе действительно играет более активную роль. Можно предположить также, что для студенчества важнее было ассоциировать себя с удмуртским языком и культурой в процессе опроса, репрезентировать свою групповую идентичность.

До конца 1980-х гг. удмуртский язык, как и другие финно-угорские языки, слабо функционировал в образовательной сфере (Пивнева 2011: 64). Согласно В. С. Во-

¹ Диаграммы следует читать следующим образом. Толстая черная полоса в центре показывает межквартильный размах (Interquartile Range): верхняя граница соответствует третьему квартилю, ниже которого находится 75% данных, нижняя — первому квартилю, ниже которого находится 25% данных. Исходящая из черной полосы тонкая черная линия показывает доверительные интервалы с 95 %-ной вероятностью; значения индекса, не вошедшие в доверительный интервал, считаются статистическими выбросами (в эстетических целях скрипичные диаграммы принято не обрезать по значению последнего выброса, а завершать плавно, сохраняя «скрипичную» форму). Белые точки внутри каждой скрипки указывают на медианные значения. Ширина графика плотности отражает частоту встречаемости соответствующего значения индекса в выборке. Наконец, значения индекса выше нуля соответствуют удмуртско-русскому билингвизму, ниже нуля — русско-удмуртскому.

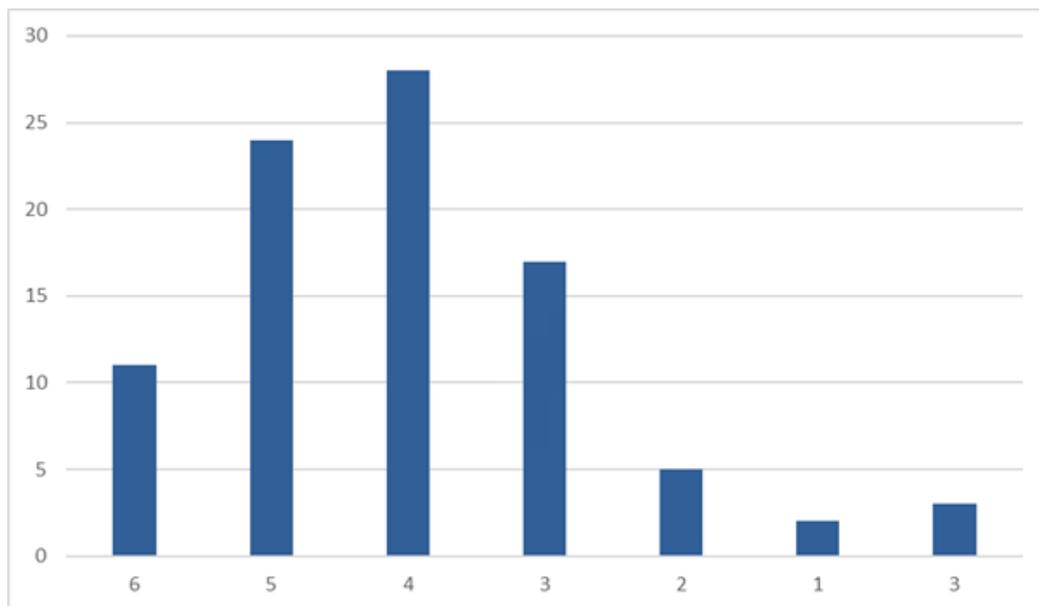

Рис. 2. Оценка своих знаний в сфере удмуртской культуры и истории

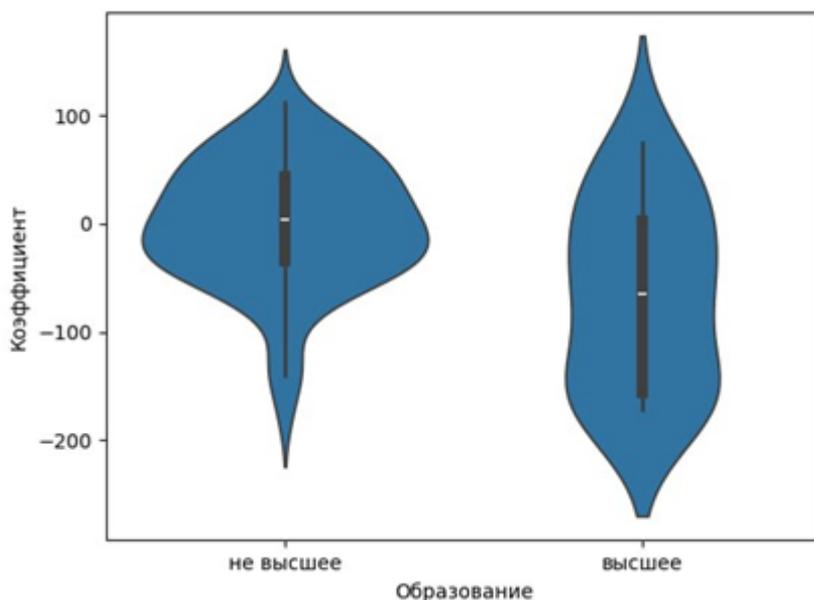

Рис. 3. Билингвизм студентов и преподавателей

ронцову и А. Е. Загребину, в конце 1990–1991 в Удмуртии действовало 346 общеобразовательных учреждений с изучением удмуртского языка. По данным конца 1990-х гг. в Республике была 41 школа с изучением удмуртского языка (Губогло, Смирнова 2001: 397). С 2000 по 2020 гг. численность этих школ сократилась с 408 до 191, то есть более чем вдвое (Воронцов, Загребин 2021: 99). Абсолютное большинство опрошенных (86%), то есть 76 респондентов, изучали или изучают удмуртский язык на уровне среднего специального или высшего образования, что является отличительной чертой исследуемого сообщества. 84% опрошенных или 74 человека

изучали удмуртский язык в рамках школьного образования. Наш информант изучал удмуртский с первого класса: 2 часа в неделю — удмуртский язык, один час — удмуртскую литературу. Также учащиеся имели возможность участвовать в школьных олимпиадах по удмуртскому языку, которые включали в себя задания на понимание текста, грамматику, умение писать сочинения. Отдельно проводились олимпиады по удмуртской литературе, посвященные анализу художественных произведений. Наши анкетированные, будучи профессиональными филологами, продолжают изучать удмуртский язык и литературу от двух до шести часов в неделю на протяжении всего университетского образования.

Язык и этническая ситуация в исследуемом сообществе

В языковом поведении современных удмуртов наблюдается тенденция к совмещению нескольких вариантов языка. Согласно концепции диглоссии Ч. Фергюсона, выделяют стандартный вариант языка (в нашем случае литературный удмуртский) и местный язык (местные говоры удмуртского). Стандартный вариант языка изучается в школе, местный язык осваивается дома, в семье и чаще бытует в общении (Ferguson 1959).

Безусловно, в рассматриваемой языковой среде наблюдается и процесс языкового сдвига — переход сообщества на «новый» язык при сохранении «старого» (Вахтин, Головки 2004: 111). Эта ситуация характерна для удмуртов в целом (как и для представителей других финно-угорских народов Поволжья). Лингвисты предложили такой критерий языкового сдвига как выбор языка из языкового репертуара в рамках группы индивидов (Trudgill 2000: 102–103). На ситуацию языкового сдвига и выбор языка влияет несколько факторов: исторические (ситуация до культурного контакта), демографические (соотношение численности этнических групп), географические (изолированность, близость), социально-структурные, институциональные, фактор отношения между группами (Вахтин, Головки 2004: 113–114). В нашем случае сбалансированного двуязычия русский занимает примерно такие же позиции, что и родной удмуртский. Устойчивость русского языка в сообществе (а на уровне всей Республики — его превалирование) обусловлено несколькими факторами. Русский язык является на территории Удмуртии языком этнического большинства (в Республике, по материалам последней переписи, проживает 841 581 русских), государственным языком (ВПН 2021). Удмуртский, по классификации ЮНЕСКО, является титульным языком (язык, название которого совпадает с этнонимом, по которому названо национально-территориальное образование), а также официальным на территории Республики. Значительная роль русского в билингвальном поведении объясняется относительно более высоким статусом русского языка. Статус языка — это его правовое положение в социуме, которое определено законом, а также его функции в обществе (Вахтин, Головки 2004: 42). Так, на русском языке наши информанты чаще говорят в государственных учреждениях, активно используют его в науке и образовании. По словам интервьюируемого студента, в ситуациях, когда в удмуртском языке нет собственно удмуртских терминов, он активно использует заимствования из русского. Бытовые темы обсуждаются чаще всего на удмуртском языке. Контекст речевой деятельности, в рамках которой используется тот или иной язык, по Дж. Фишману, называется доменом (domain) (Fishman 1972). Доменом бы-

тования удмуртского языка остается домашнее общение, коммуникация в деревне. Эту тенденцию в бытовании татышлинского говора удмуртского языка фиксируют и лингвисты Е. В. Кашкин, М.-Э. А. Винклер (*Кашкин, Винклер 2024: 24–25*).

Активное использование русского среди жителей Удмуртии в целом также связывают с влиянием системы преимущественно русскоязычного образования. Выходцы из удмуртских семей, начиная посещать русскоязычные детские сады, быстро переходят на русскую речь под влиянием воспитателей¹. Этот фактор языкового сдвига можно отнести к институциональным (*Вахтин, Головки 2004: 113*).

«Вообще надо с садика это все прививать, потому что дома они говорят еще на удмуртском, а после садика все, уже переходят на русский. У нас вот тоже такие в деревне примеры есть. После садика сразу все, на русский, хотя садика в деревне, они все равно там на русском общаются» (ПМА, В. Е.)

Выбор языка зависит, согласно Дж. Фишману, от языковой ситуации, которая включает в себя собеседников, находящихся в определенных отношениях и говорящих на определенную тему в той или иной ситуации (*Fishman 1972*). Так, информант отмечает, что в общении с удмуртами он использует удмуртский язык, при появлении в речевой ситуации не говорящего на удмуртском переходит на русский. При общении с незнакомым человеком в Ижевске или в другом крупном городе (например, обращаясь к продавцу) использует русский. В компании удмуртов, находясь в Москве или Санкт-Петербурге, В. Е. обычно говорит на удмуртском языке. В социальных сетях респондент и его друзья используют русский язык, так как это удобнее и быстрее. Профессиональная деятельность накладывает отпечаток на степень сохранности языка: в рамках удмуртского сообщества родной язык продолжает функционировать как средство коммуникации. Интерес к удмуртскому языку среди филологов является результатом осознанного выбора профессиональной деятельности (*Воронцов, Загребин 2021: 100*). На вопрос о том, удалось ли информанту сохранить высокий уровень знания удмуртским в городе, он ответил:

«Ну вроде бы не изменился, наверное, я бы не сказал, что изменился. Наоборот, он даже улучшился. Тут все же общаемся на удмуртском, пары ведут на удмуртском, многие пары, многие занятия. В научном плане, наверное, даже развитие произошло» (В. Е.).

При изучении языкового сдвига важно учитывать также престижность языка в сообществе (*Вахтин, Головки 2004: 117*). Исследуемая нами социальная группа высоко оценивает престиж удмуртского языка, так как для них он является маркером этничности, выполняет этнорепрезентирующую функцию (что подтверждают и данные анкетирования). Данный фактор препятствует проникновению русского языка во все сферы жизни и вытеснению им удмуртского.

Важным фактором языкового сдвига является языковое окружение. Активное использование удмуртского языка в семье обусловлено этническим происхождением информантов. Большинство из них являются выходцами из удмуртских семей, поэтому, в среднем, поприблизительной оценке анкетированных, 67% их родственников составляют удмурты, 24% — русские, менее 10% — представители других этнических групп (татары, коми-пермяки, коми и др). По словам нашего информанта, удмуртским языком он чаще пользуется именно в родной деревне. Таким образом,

¹ Подробнее о влиянии детских садов на детей-билингвов см.: *Родина, Протасова 2024*.

удмуртский язык в качестве родного активно используется в общении с родней, в сельской местности, выполняет роль языка домашнего общения.

Иначе обстоит дело с межэтническим взаимодействием в публичной сфере (работа, образование, государственные учреждения). Как показало анкетирование, в среднем 45% окружения информантов представляют удмурты, примерно столько же, 44% — русские, в среднем около 7% — татары. Относительно большое количество удмуртов в публичной сфере респондентов можно объяснить спецификой вуза и образовательного профиля. Почти все опрошенные свободно владеют удмуртским и общаются на нем как в процессе обучения (например, посещают занятия по удмуртскому языку и литературе), а также в свободное время, например, на переменах, во время прогулок по городу с друзьями. В. Е. в интервью отметил, что различия в северном и южном диалектах не мешают понимать друг друга студентам из разных районов, их межличностная коммуникация осуществляется на удмуртском. Мы во время полевых исследований обратили внимание, что сотрудники и студенты Института обсуждают друг с другом бытовые вопросы на удмуртском языке. С другой стороны, в публичной сфере существенно присутствие русских, что легко объяснимо этнокультурным ландшафтом города, значительным присутствием русского населения в Ижевске. Как верно подметили социолингвисты Н. Б. Вахтин и Е. В. Головкин, при активном межэтническом взаимодействии, родной язык продолжает функционировать внутри этнического сообщества (Вахтин, Головкин 2004: 115).

Выводы

Исследованную группу можно рассматривать как сообщество сбалансированных билингов, использующих русский и удмуртский в своих языковых практиках. Если удмуртский для них является родным языком, усвоенным в детском возрасте, то русский язык скорее фигурирует в официальных сферах и в совершенстве усваивается носителями уже в детских садах или школах. В отличие от значительной части современных городских удмуртов, опрошенные не перестают использовать удмуртский даже в урбанистической среде, так как сохраняют тесные связи с коллегами-удмуртами. Таким образом, для языковой среды Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики язык выполняет функции репрезентации этнической идентичности, констративной самоидентификации группы (*contrastive identity*), то есть использование языка создает ощущение причастности к общему кругу лиц (Вахтин, Головкин 2004: 95). Помимо этого, удмуртский язык используется как средство коммуникации с коллегами, как объект профессиональной (научно-исследовательской, преподавательской) деятельности.

Источники и материалы

- ВПН 2020–2021 — Всероссийская перепись населения 2020 г. <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>
ВПН 2010 — Всероссийская перепись населения 2010 г. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
ПМА 2023 — Полевые материалы авторов. Удмуртская Республика. г. Ижевск, Завьяловский, Киясовский, Малопургинский районы. Декабрь 2023 г.
Bilingual Research Journal — Bilingual Research Journal (1975–). <https://www.tandfonline.com/toc/ubjrj20/current>
Bilingualism: Language and Cognition — Bilingualism: Language and Cognition (1998–). <https://>

www.cam-bridge.org/core/journals/bilingualism-language-and-cognition

- Birdsong et. al.* 2012 — *Birdsong D., Gertken L. M., Amengual M.* Bilingual Language Profile: An Easy-to-use Instrument to Assess Bilingualism. Austin: COERLL, University of Texas at Austin, 2012. Web. <https://sites.la.utexas.edu/bilingual>
- BLP — Bilingual Language Profile (BLP). <https://sites.la.utexas.edu/bilingual/> [сайт проекта].
- International Journal of Bilingual Education and Bilingualism — International Journal of Bilingual Education and Bilingualism (1998–). <https://www.tandfonline.com/journals/rbeb20>
- Journal of Multilingual and Multicultural Development — Journal of Multilingual and Multicultural Development (1980–). <https://www.tandfonline.com/toc/rmmm20/current>
- The International Journal of Bilingualism — The International Journal of Bilingualism (1997–). <https://journals.sagepub.com/home/IJB>

Научная литература

- Баталова Р. М.* Пермские языки // Языки мира. Уральские языки / В. Н. Ярцева (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1993. С. 209–214.
- Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты / ред. В. Ю. Розенцвейг. М.: Прогресс, 1972. С. 25–60.
- Вахтин Н. Б., Головкин Е. В.* Социоллингвистика и социология языка. Санкт-Петербург: Издательский центр «Гуманитарная академия», Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.
- Владыкин В. Е.* Структурные компоненты удмуртского этноса // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне, Коми-пермяки, Марийцы, Мордва, Удмурты / Отв. ред. Н.Ф. Мокшин [и др.]. М.: Наука, 2000. С. 428–429.
- Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С.* Этнография удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1997. 245 с.
- Воронцов В. С., Мартыненко А. В., Орлова О. В.* Марий Эл, Мордовия, Удмуртия: современная этноконфессиональная ситуация. Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, 2021. 292 с.
- Воронцов В. С.* Этнолингвистические характеристики жителей Удмуртии (по данным переписей населения) // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения, 2019. Т. 3. Вып. 4. С. 516–522.
- Воронцов В. С., Загребин А. Е.* Языковая ситуация в Удмуртской Республике // Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России / отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2021. С. 90–105.
- Губогло М. Н., Смирнова С. К.* Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века. М.: ИЭА РАН, 2001. 496 с.
- Кашкин Е. В., Винклер М.-Э. А.* Языковая ситуация у татышлинских удмуртов: наблюдения экспедиций ОТиПЛа МГУ // Родной язык. 2024. № 1. С. 16–43.
- Кельмаков В. Е.* Удмуртский язык // Языки мира. Уральские языки / В. Н. Ярцева (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1993. С. 239–254.
- Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: учебное пособие для высших учебных заведений. Федер. агентство по образованию Рос. Федерации, Удмурт. гос. ун-т, Фак. удмурт. филологии, Каф. общ. и финно-угор. языкознания. Изд. 2-е, стер. Ижевск: Удмуртский университет, 2006. 385 с.
- Косарева И. А.* Этнографические группы удмуртского народа (опыт выделения). Ч. 1 // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2017. Т. 37, № 2. 193 с.
- Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семёнов В. Г., Отставнова Г. В.* Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Выпуск I. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. 260 с.
- Пивнева Е. А.* Поддержка и развитие финно-угорских языков в контексте этнокультурной ситуации // Правовой статус финно-угорских языков и этнокультурные потребности рос-

- сийской школы / под ред. В. А. Тишкова. М.: ИП А. Г. Яковлев, 2011. С. 64–89.
- Родина Н. М., Протасова Е. Ю. Взаимодействие семьи и детского сада при воспитании двуязычия: анализ практик // Родной язык. 2024. № 1. С. 44–69.
- Садиков Р. Р. Этнокультурное развитие закамских удмуртов в XX–XXI вв. // Вордском кыл. 2023. № 7. С. 39–44.
- Соколовский С. В. Метафизика идентичности и исследования процессов идентификации в социальных науках // Сибирские исторические исследования. 2015. № 1. С. 8–22.
- Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. 2-е изд. М.: Флинта, МПСИ, Прогресс, 2006. 342 с.
- Dunn A. L., Fox Tree J. E. A Quick, Gradient Bilingual Dominance Scale // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2009. Vol. 12. No 3. P. 273–289. <https://doi.org/10.1017/S1366728909990113>
- Ferguson C. A. Diglossia // *WORD*. 1959. № 15(2). P. 325–340.
- Fishman J. The Sociology of Language // *Advances in Sociology of Language* / Ed. by J. A. Fishman. The Hague: Mouton de Gruyter, 1972. P. 217–404.
- Gertken L. M., Amengual M., Birdsong D. Assessing Language Dominance with the Bilingual Language Profile // *Measuring L2 proficiency: Perspectives from SLA* / ed. by P. Leclercq, A. Edmonds, H. Hilton. Bristol: Multilingual Matters, 2014. P. 208–225. https://sites.la.utexas.edu/bilingual/files/2012/01/Assessing_Language_Dominance_BLP.pdf
- Grosjean F. *Studying Bilinguals*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 314 p.
- Gumperz J. The Speech Community // *Linguistic Anthropology: A reader* / ed. by A. Duranti. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. P. 66–73. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511810190>
- Kremin L. V., Byers-Heinlein K. Why not Both? Rethinking Categorical and Continuous Approaches to Bilingualism. *PsyArXiv*. 2020. Vol. 25. No 6. P. 1560–1575. <https://doi.org/10.1177/13670069211031986>
- Marian V., Blumenfeld H., Kaushanskaya M. The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing Language Profiles in Bilinguals and Multilinguals // *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. 2007. Vol. 50. No 4. P. 940–967.
- Marian V., Hayakawa S. Measuring Bilingualism: The Quest for a “Bilingualism Quotient” // *Applied Psycholinguistics*. 2020. Vol. 42. No 2. P. 1–22. <https://doi.org/10.1017/S0142716420000533>
- Montrul S. Dominance and Proficiency in Early and Late Bilingualism // *Language Dominance in Bilinguals: Issues of Measurement and Operationalization* / ed. by C. Silva-Corvalán, J. Treffers-Daller. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 15–35. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107375345.002>
- Toulouze E. La langue oudmourte dans la diaspora orientale: étude de cas // *Études finno-ougriennes*. 2013. Vol. 45. P. 117–134. <https://doi.org/10.4000/efo.1872>
- Treffers-Daller J. What Defines Language Dominance in Bilinguals? // *Annual Review of Linguistics*. 2019. Vol. 5. P. 375–393.
- Trudgill P. *Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society*. Fourth Edition. Penguin books. 2000. 222 p.
- Waskom M. L. Seaborn: Statistical Data Visualization // *Journal of Open Source Software*. 2021. Vol. 6. No 60. P. 3021. <https://doi.org/10.21105/joss.03021>

References

- Batalova, R. M. 1993. Permskie iazyki [Permian Languages]. In *Iazyki mira. Ural'skie iazyki* [Languages of the World. Uralic Languages], ed. by V. N. Yarceva. Moscow: Nauka. 209–214.
- Dunn, A. L., and J. E. Fox Tree 2009. A Quick, Gradient Bilingual Dominance Scale. *Bilingualism: Language and Cognition* 12(3): 273–289. <https://doi.org/10.1017/S1366728909990113>
- Erikson, E. 2006. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis], ed. by A. V. Tolstykh. Ed. 2. Moscow: Flinta, MPSI, Progress. 342 p.

- Ferguson, C. A. 1959. Diglossia. *WORD* 15(2): 325–340.
- Fishman, J. 1972. The Sociology of Language. In *Advances in Sociology of Language*, ed. by J. A. Fishman. The Hague: Mouton de Gruyter. 217–404.
- Gertken, L. M., M. Amengual, and D. Birdsong. 2014. Assessing Language Dominance with the Bilingual Language Profile. In *Measuring L2 proficiency: Perspectives from SLA*, ed. by P. Leclercq, A. Edmonds, H. Hilton. Bristol: Multilingual Matters. 208–225. https://sites.la.utexas.edu/bilingual/files/2012/01/Assessing_Language_Dominance_BLP.pdf
- Grosjean, F. 2008. *Studying Bilinguals*. Oxford: Oxford University Press. 314 p.
- Guboglo, M. N., and S. K. Smirnova. 2001. *Fenomen Udmurtii. Paradoksy etnopoliticheskoi transformatsii na iskhode XX veka* [The Phenomenon of Udmurtia. Paradoxes of the Ethnopolitical Situation at the end of the 20th century]. Moscow: IEA RAN. 496 p.
- Gumperz, J. 1968. The Speech Community. In Duranti, A. (ed.). *Linguistic Anthropology: A reader*, ed. by A. Duranti. Cambridge: Cambridge University Press. 1: 66–73. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511810190>
- Kashkin, E. V., and M.-E. A. Vinkler. 2024. Yazykovaia situatsiia u tatyshlinskikh udmurtov: nabliudeniia ekspeditsii OTiPLa MSU [The Linguistic Situation of the Tatyshli Udmurts: Observations of the Expedition of the Department of Theoretical and Applied Linguistics of Moscow State University]. *Rodnoi yazyk* 1: 16–43.
- Kelmakov, V. E. 1993. Udmurtskii yazyk [Udmurt Language]. In *Yazyki mira. Ural'skie yazyki* [Languages of the world. Uralic languages], ed. by V. N. Yartseva. Moscow: Nauka. 239–254.
- Kelmakov, V. K. 2006. *Kratkii kurs udmurtskoi dialektologii: uchebnoe posobie dlia vysshikh uchebnykh zavedenii* [A Short Course in Udmurt Dialectology: A Textbook for Higher Education Institutions]. Vol. 2. Izhevsk: Udmurtskii universitet. 385 p.
- Kosareva, I. A. 2017. Etnograficheskie gruppy udmurtskogo naroda (opyt vydeleniia) [Ethnographic Groups of the Udmurts (an Attempt of Definition)]. Part 1. *Izvestiia Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete* 37: 2. 193 p.
- Kremin, L. V. and K. Byers-Heinlein. 2020. Why not Both? Rethinking Categorical and Continuous Approaches to Bilingualism. *PsyArXiv* 25(6): 1560–1575. <https://doi.org/10.1177/13670069211031986>
- Marian, V., H. Blumenfeld, and M. Kaushanskaia. 2007. The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing Language Profiles in Bilinguals and Multilinguals. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research* 50(4): 940–967.
- Marian, V. and S. Hayakawa. 2020. Measuring Bilingualism: the Quest for a “Bilingualism Quotient”. *Applied Psycholinguistics* 42(2): 1–22. <https://doi.org/10.1017/S0142716420000533>
- Montrul, S. 2016. Dominance and Proficiency in Early and Late Bilingualism. In *Language Dominance in Bilinguals: Issues of Measurement and Operationalization*, ed. by C. SilvaCorvalán, J. Treffers-Daller. Cambridge: Cambridge University Press. 15–35. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107375345.002>
- Nasibullin, R. Sh., S. A. Maksimov, V. G. Semenov, and G. V. Otstavnova. 2009. *Dialektologicheskii atlas udmurtskogo yazyka. Karty i kommentarii* [Dialectological Atlas of the Udmurt Language. Maps and Comments]. Vol I. Izhevsk: NITs “Reguliarnaia i khaoticheskaiia dinamika”. 260 p.
- Pivneva, E. A. 2011. Podderzhka i razvitie finno-ugorskikh yazykov v kontekste etnokul'turnoi situatsii [Support and Development of Finno-Ugric Languages in the Context of the Ethnocultural Situation]. In *Pravovoi status finno-ugorskikh yazykov i etnokul'turnye potrebnosti rossiiskoi shkoly* [The Legal Status of the Finno-Ugric Languages and the Ethnocultural Needs of the Russian School], ed. by V. A. Tishkov. Moscow: IP A. G. Yakovlev. 64–89.
- Rodina, N. M., and E. Yu. Protasova. 2024. Vzaimodeistvie sem'i i detskogo sada pri vospitanii dviuazychiia: analiz praktik [The Interaction of Family and Kindergarten in the Education of Bilingualism: An Analysis of Practices]. *Rodnoi yazyk* 1: 44–69.
- Sadikov, R. R. 2023. Etnokul'turnoe razvitie zakamskikh udmurtov v XX–XXI vv. [Ethnocultural Development of the Transcamian Udmurts in the 20th–21th centuries] *Vordskem kyl* 7: 39–44.

- Sokolovskii, S. V. 2015. Metafizika identichnosti i issledovaniia protsessov identifikatsii v sotsial'nykh naukakh [Metaphysics of Identity and Research of Identification Processes in the Social Sciences]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 1: 8–22.
- Toulouze, E. 2013. La langue oudmourte dans la diaspora orientale: étude de cas. *Études finno-ougriennes*. 45: 117–134. <https://doi.org/10.4000/efo.1872>
- Treffers-Daller, J. 2019. What Defines Language Dominance in Bilinguals? *Annual Review of Linguistics* 5: 375–393.
- Trudgill, P. 2000. *Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society*. Fourth Edition. Penguin books. 2000. 222 p.
- Vainraikh, U. 1972. Odnoiazychie i mnogoiazychie [Monolingualism and Multilingualism]. In *Novoe v lingvistike. Vipusk 6. Iazykovye kontakty* [New in Linguistics. Vol. 6. The Language Contacts], ed. by V. Yu. Rozencveig. Moscow: Progress. 25–60.
- Vakhtin, N. B., and E. V. Golovko. 2004. *Sotsiolingvistika i sotsiologiya iazyka* [Sociolinguistics and Sociology of Language]. Saint Petersburg: Izdatel'skii tsentr "Gumanitarnaia akademiia", Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge. 336 p.
- Vladykin, V. E. 2000. Strukturnye komponenty udmurtskogo etnosa [Structural Components of the Udmurt Ethnic Group]. In *Narody Povolzh'ia i Priural'ia. Komi-zyriane, Komi-permiaki, Mariitsy, Mordva, Udmurty* [The People of the Volga Region and the Urals. Komi-Zyryans, Komi-Permians, Mari, Mordvins, Udmurts.], ed. by N. V. Mokshin. Moscow: Nauka. P. 428–429.
- Vladykin, V. E. and L. S. Khristolubova. 1997. *Etnografiia udmurtov* [Ethnography of the Udmurts]. Izevsk: Udmurtiya. 245 p.
- Vorontsov, S. V., and A. E. Zagrebin. 2021. Iazykovaia situatsiia v Udmurtskoi Respublike [The Linguistic Situation in the Udmurt Republic]. In *Iazyk i identichnost': antropologicheskoe issledovanie situatsii v Rossii* [Language and Identity: An Anthropological Study of the Situation in Russia], ed. by M. Yu. Martynova. Moscow: IEA RAN. 90–105.
- Vorontsov, V. S. 2019. Etnolingvisticheskie kharakteristiki zhitelei Udmurtii (po dannym perepisei naseleniia) [Ethnolinguistic Characteristics of the Inhabitants of Udmurtia (According to Population Censuses)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniia* 3(4): 516–522.
- Vorontsov, V. S., A. V. Martynenko, and O. V. Orlova. 2021. *Marii El, Mordoviia, Udmurtiia: sovremennaia etnokonfessional'naia situatsiia* [Mari El, Mordovia, Udmurtia: the Modern Ethno-Confessional Situation]. Ioshkar-Ola. 292 p.
- Waskom, M. L. 2021. Seaborn: statistical data visualization. *Journal of Open Source Software* 6(60): 3021. <https://doi.org/10.21105/joss.03021>